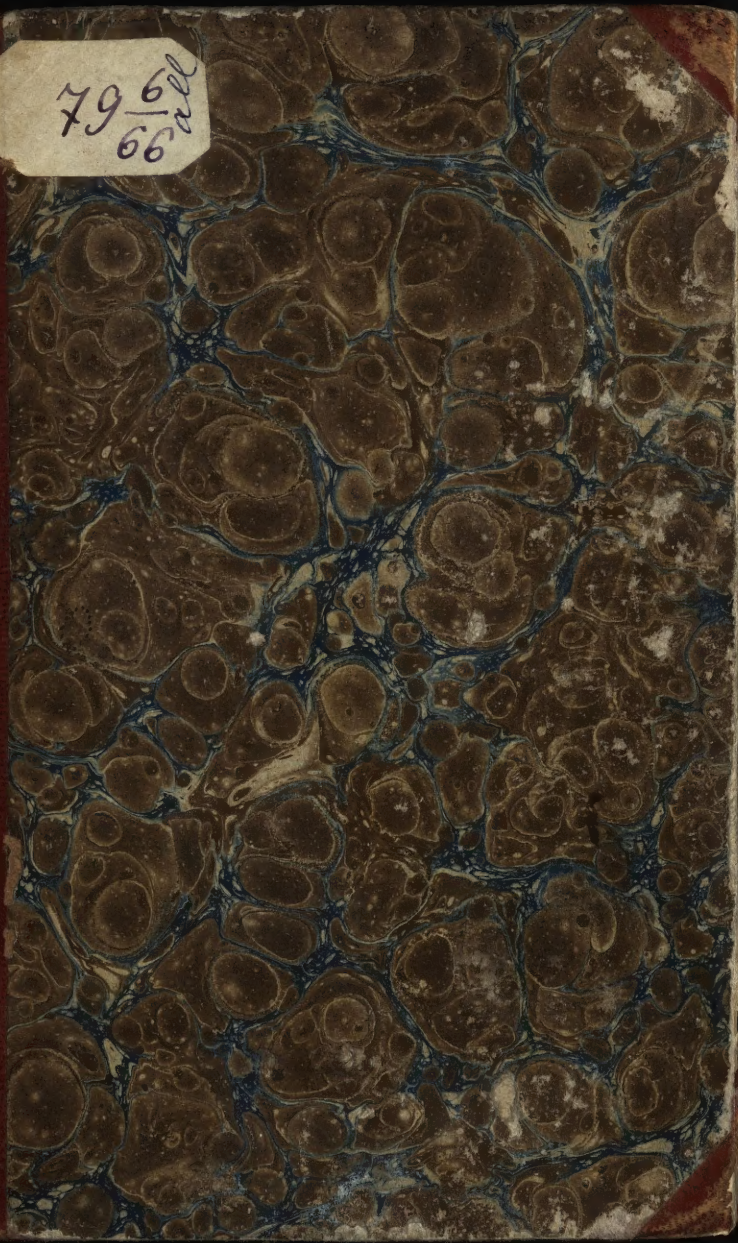


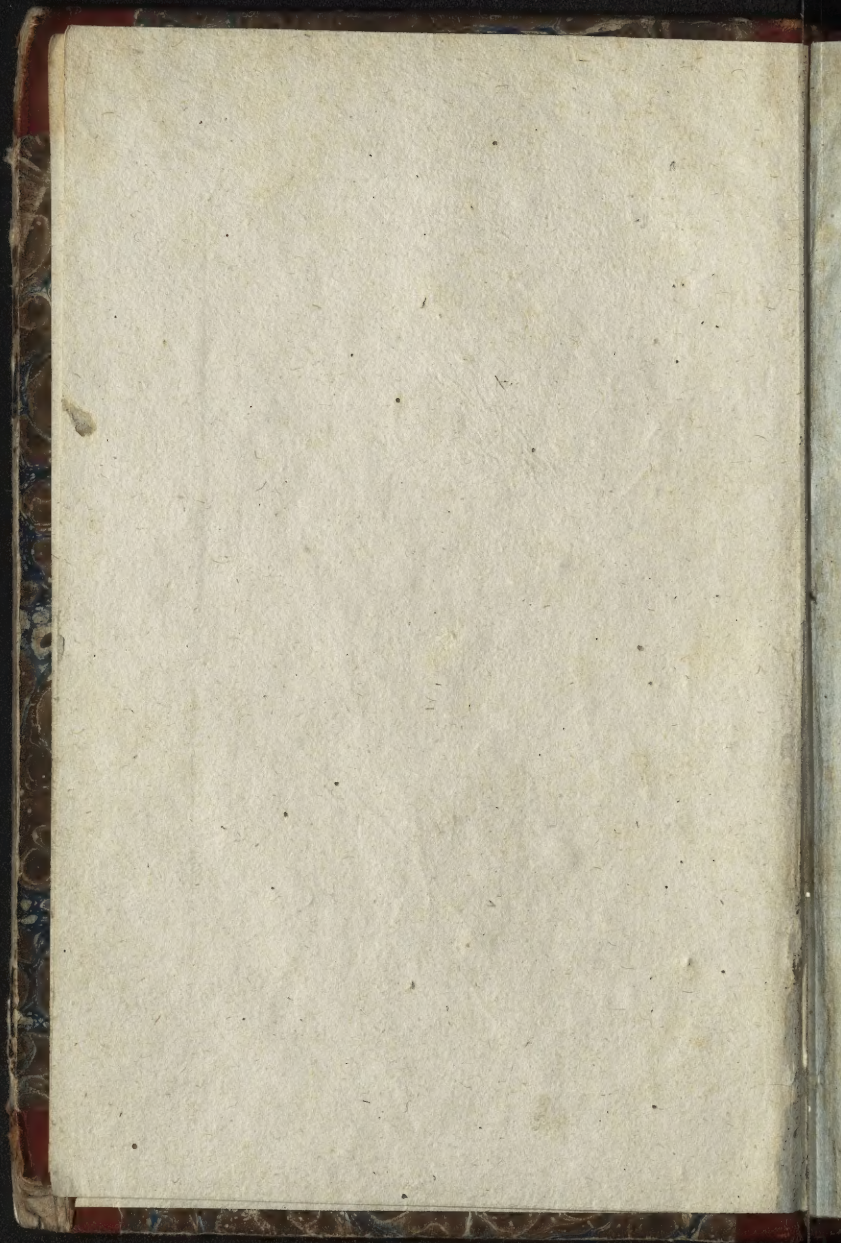
79 $\frac{66}{66}$ all



7856.

ONK
XIX⁶.

79 6 all
66



— I —
БЕНЪ-ГРІАНАНЪ,

КАЛЕДОНСКАЯ ПОВѢСТЬ.

Переводъ съ Польскаго.

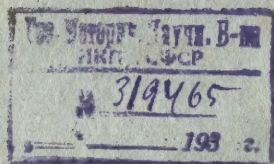


ХАРЬКОВЪ;

Въ Университетской Типографіи.

1819 года.

Съ дозволенія Цензуры.

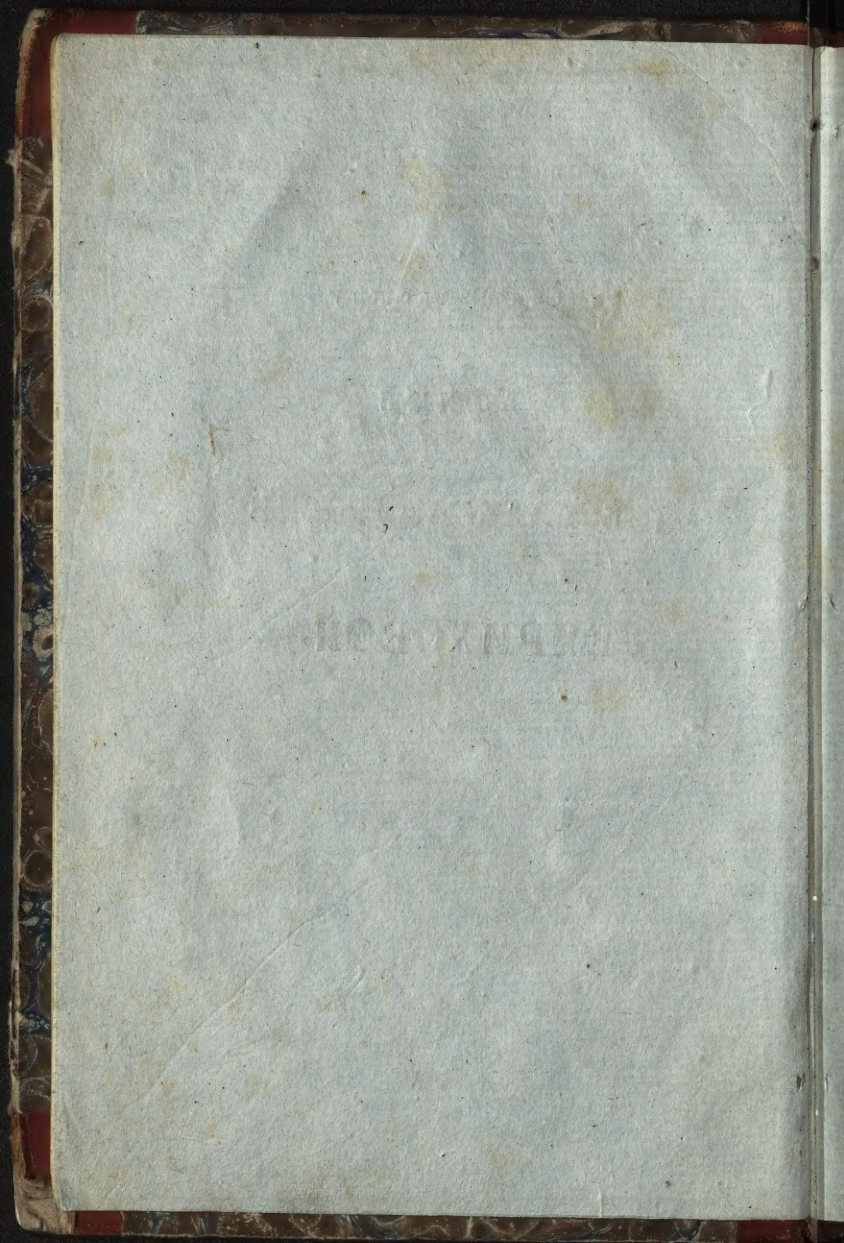


Ея Сіяшельству

ГРАФИНЪ

АННЪ АЛЕКСАНДРОВНЪ

ГЕНРИХОВОЙ.



Тебѣ, изящнаго правдивый судія!
Плачу усердья дань въ семь слабомъ пе-
реводѣ.

Конечно ты уже читала о Маклодѣ
И знаешь подлинникъ ты повѣспи сея.

Тебѣ отверзены всѣ богатства, кра-
сопы

И музы Тассовой, и языка Расина:
Вкусъ вѣрный, шонкѣй умъ — вошь та цѣ-
на едина,

Какой достоинства твореній цѣнишь ты!

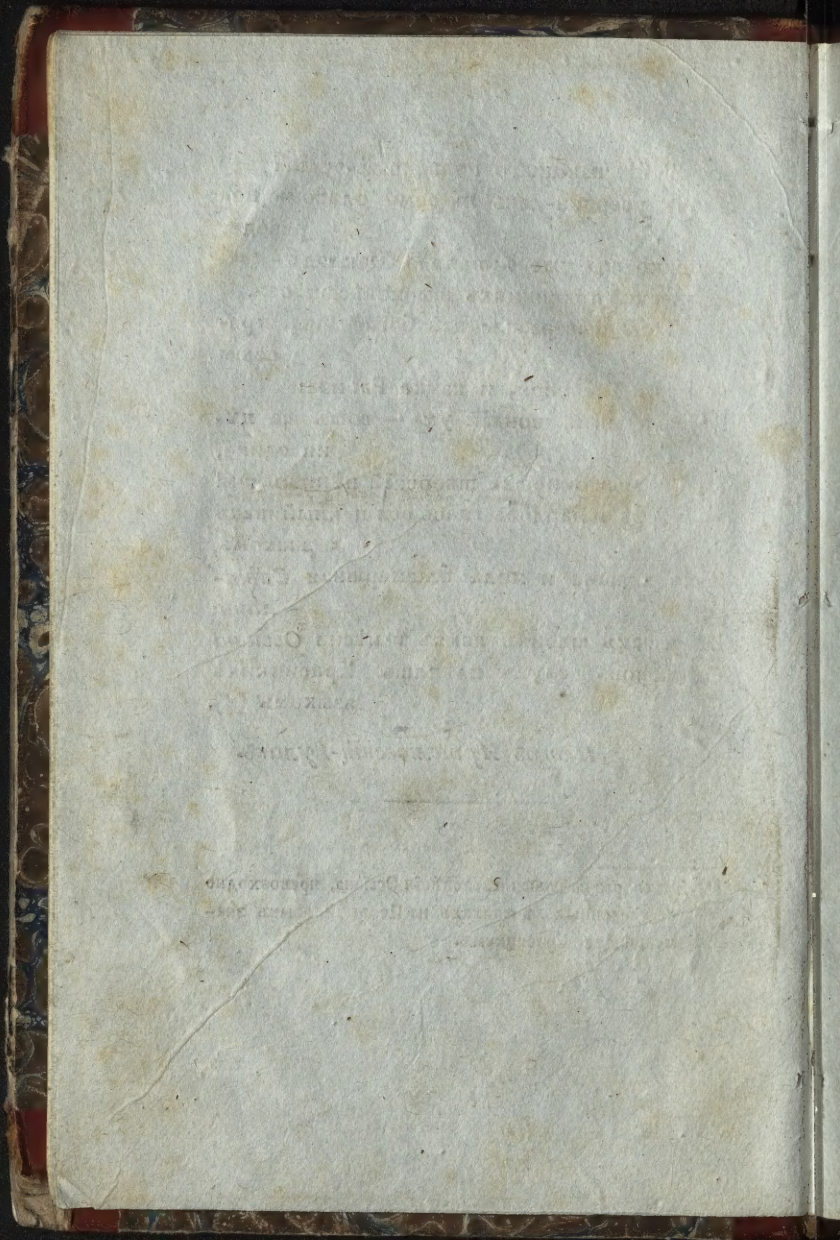
Тебѣ и Бардовъ гласъ священный такъ
знакомъ,

Какъ внятна и мила безсмертная *Свѣт-*
лана:

Въ устахъ твоихъ языкъ и пѣсни *Оссіана*
Сарматовъ слухъ плѣняетъ *Красицкихъ*
языкомъ (*).

Петръ Артемовскій-Гулакъ.

(*) Здѣсь разумѣются пѣснопѣнія *Оссіана*, превосходно
переведенныя въ стихахъ на Польскій языкъ зна-
менитымъ *Красицкимъ*.





*Бенѣ-Гріананѣ,
Каледонская Повѣсть.*

Я сынъ иностранца; но получивъ жизнь на Англійскомъ кораблѣ, съ нею вмѣстѣ приобрѣлъ по законамъ Великобританіи и права на ея гражданство. Тринадцатый годъ моего возраста оканчивался, когда отецъ мой по торговымъ видамъ и сношеніямъ утвердилъ свое жительство въ Единбургѣ. Я не чувствовалъ склонности къ состоянію купеческому, — и рѣшился посвятивъ себя наукамъ. Возпитаніе юношества въ Англіи представляетъ образецъ чрезмѣрной суровости; тамъ даже вышшихъ училищъ питомцы ведутъ жизнь едвали не отшельническую. Образъ, по которому управляютъ ими, весьма близокъ къ педантизму; но онъ не лишень своей пользы, — и существенные плоды подобнаго образованія состоятъ въ томъ: что юноша, удаленный отъ шумныхъ раз-

влеченій, не пресыщается преждевременно тѣми разнообразными удовольствіями, — которыя по внушенію здраваго разсудка должны составлять роскошь и награду возмужалости. Ежели съ одной стороны онъ теряетъ выгоду ознакомленія себя со свѣтомъ и его обыкновеніями; то съ другой стороны приобретаетъ шоть навѣкъ и ту образованность, которыя по справедливости можно назвать классическими — и которыми безъ сомнѣнія Шотландцы превосходятъ всѣхъ Европейскихъ народовъ. Чѣмъ тѣснѣе ограниченъ кругъ жизни нашей; тѣмъ сильнѣе дѣйствуетъ на души наши все то, къ чему только намъ позволено приближаться: тамъ то печатаются глубокіе и не изгладимые слѣды познаній въ юныхъ умахъ; тамъ то сопрягаются на вѣки сердца чувствительныя неразрывными узами дружбы.

Одинъ изъ юныхъ со товарищей моихъ — родомъ Каледонянинъ — неусыпнымъ прилежаніемъ своимъ въ наукахъ, кротостію своего поведенія отличалъ себя отъ всѣхъ прочихъ. Любимый своими наставниками, преданный совершенно страсти

къ снисканію благородныхъ знаній — онъ
здѣлался образцемъ для всѣхъ. Непреодолимое желаніе сердца влекло меня къ
нему, понуждало меня сблизиться съ нимъ;
но успѣлъ въ этомъ несравненно было
труднѣе, нежели какъ я себѣ воображалъ.

Веселонравность и откровенность суть
отличительныя свойства Шотландца; но
мой Каледонянинъ въ семь отношеній
былъ болѣе похожъ на угрюмаго Англичанина. Онъ разговаривалъ, но разговаривалъ съ немногими, — и то безъ малѣйшаго
преимущества къ тому или другому. Кто
хотѣлъ усиленно сблизить себя съ нимъ,
того онъ убѣгать усиленно старался. Мое
самолюбіе удерживало меня отъ того,
чтобы самому искать его знакомства; хотя
кроткіе и прогательные взоры его
насилно влекли меня къ нему, — и даже
казалось меня искалъ. Можешь быть
никогда узы дружбы не связали бы насъ
такъ тѣсно, когда бы одинаковое рвеніе
къ наукамъ не сблизило насъ между собою.
Онъ узналъ, что Нѣмецкій языкъ
былъ мнѣ совершенно извѣстенъ: такъ! я
тогда въ полной мѣрѣ восхищался красо-

тами возникавшей Словесности Германцевъ; съ возторгомъ переливалъ въ него мои чувства, — бесѣдуя съ нимъ о творцахъ и твореніяхъ, которыя наиболѣе меня поражали. Черезъ нѣсколько дней онъ является ко мнѣ, проситъ меня учить его по Нѣмецки, — и въ благодарную замѣну сей услуги обѣщаетъ ознакомить меня съ языкомъ Каледонянъ, языкомъ безсмертнаго Оссіана. Со всѣмъ жаромъ, свойственнымъ юношескому возрасту, принялись мы за упражненія новаго рода. Взаимная польза здѣлала взаимныя свиданія наши сколько возможно частыми, наконецъ необходимыми. Мы полюбили другъ друга, любя обоюдныя занятія наши, и наконецъ содѣлались друзьями. Потребность сообщенія другъ другу взаимныхъ чувствъ, взаимныхъ мыслей, взаимныхъ мечтаній побѣдила все; она превозмогла различіе вѣроизповѣданія, отечества и даже характеровъ — и мы были уже неразлучны. Минуты отдохновенія отъ занятій учебныхъ посвящали мы прогулкѣ: подобно легкимъ сернамъ взбирались на вершины скалъ подышать бальзамическою свѣже-

стію воздуха и подкрѣпить силы къ понесенію новыхъ трудовъ нашего званія.

Рѣдко другое мѣстоположеніе богато столь разительными красотами природы — какъ тѣ окрестности, посреди коихъ Шотландія утвердила свою Столицу. На дикихъ, неровныхъ, покатыхъ скалахъ виденъ древній городъ въ трогательномъ безпорядкѣ. Въ немъ мы обитали; но всякой разъ съ удовольствіемъ осматривали тѣсныя, излучистыя улицы и сѣвшили въ замокъ — древнее жилище Монарховъ Шотландіи. Величественное сіе зданіе воздвигнуто было на высокой вершинѣ скалы и возносилось надъ новымъ городомъ. Съ трудомъ, — но съ охотою взбирались мы на подоблачную вершину горы, гдѣ необыкновеннымъ образомъ выдававшаяся и нависнувшая надъ пропастію скала носить имя жилища *Артурова*. Здѣсь то — сидя и погружаясь совершенно въ созерцаніе мелькающаго подъ нами города, синѣющаго моря и грозныхъ утесовъ — мы забывали обо всемъ, что насъ окружало... забывали о себѣ: ибо великое имя великаго мужа, украшающее сіи очаровательныя мѣста,

дѣлаешь ихъ столь почтенными и священными въ глазахъ созерцателя природы, — что образъ ихъ оставляетъ неизгладимые слѣды впечатлѣнїя, особенно въ душѣ пылкаго юноши. Отсюда мы спу- скались къ новому городу, лежащему на покатохъ скалъ простирающихся до самаго моря. Оба города отдѣляются ужасною пропастью, но въ пропасти сей мелькають такъ же дома и люди: надъ нею всемогущая рука искусства повѣсила нѣсколько мостовъ для удобнѣйшаго со- общенїя новаго города со старымъ. Въ одномъ мѣстѣ видъ утеса такъ стра- шенъ, что должно было желѣзною решет- кою заслонить пропасть. Тутъ часто облокотясь на край оной, съ поникшими внизъ головами смотрѣли мы на улицы простиравшіяся подъ нашими ногами. Какъ ничтожны казались намъ тогда дѣ- ла человѣческія! и сколь казались ни- чтожнѣе сихъ дѣлъ самые люди! ихъ дви- женїе исчезало предъ нашимъ взоромъ! Тогда-то, вознавивъ на крыльяхъ вообра- женїя къ обитателямъ блаженнѣйшихъ

странъ, мы обнимались взаимно; тогдашнo прижимали другъ друга къ сердцу съ брашскою горячностію, — и слезы не изъяснимаго возторга изливались съ нашей кляшвой: никогда не изнемочь подъ бремяемъ жестокой участи грозившей намъ разлукою; никогда не забывать о святомъ дружествѣ, и даже посреди шума мятежнаго свѣта! — Съ симъ торжественнымъ обѣщаніемъ сердце нашихъ мы возвращались спокойнѣе и щастливѣе.

Не безызвѣстно мнѣ, какое понятіе люди обыкновенно соединяють съ именемъ дружбы, — которую возпламеняетъ пылкая молодость; но мои чувствованія опровергають ихъ мнѣніе. Вотъ пятьдесятъ лѣтъ уже протекло, — какъ мое сердце всегда сильнѣе бьется при одномъ возпомянаніи тѣхъ безцѣнныхъ минутъ, когда я и другъ мой — половина всего меня — дѣлили мы между собою все: дѣлили труды и покой, горести и радость; когда въ мирной и тѣсной хижинѣ окружали насъ всѣ очарованія щастливой мечтательности; когда мы наперерывъ вѣряли одинъ другому свои предначертанія, свои надежды дѣя-

тельной или спокойной жизни...и срывали покровъ съ будущности. О, сколько прекрасныхъ вечеровъ пролетали мимо насъ мигомъ, — когда мы повѣствовали другъ другу о дѣянiяхъ и подвигахъ предковъ нашихъ! Возпомянiе о нихъ скрѣпляло тѣснѣйшимъ узломъ союзъ дружбы нашей; ибо чего дружество не умѣетъ обратить въ пользу!

Отецъ мой, тонимый какъ преступникъ легкомысленными согражданами за свободу мыслей въ дѣлахъ религiи, долженъ былъ на всегда проститься съ щасливою Гельвеціею. Образъ величественныхъ — небоносныхъ ея Альповъ, ея прозрачныя озѣра, ея прѣлести, ея наконецъ красоты и ужасы: все сiе не было совершено еще изглажено изъ его памяти; онъ помнилъ объ нихъ, какъ помнятъ прелестное сновидѣнiе. Яркими красками изображалъ и я очаровательный видъ оныхъ моему другу. Благородное сердце его изыскивало мѣру благодарности даже изъ тѣхъ чувствъ, въ коихъ я почерпалъ собственную мою отраду, — и онъ не преми-

нуль мнѣ представить въ угрогательномъ повѣствованіи разительный образъ своей отчизны; не преминуль представить и то: какимъ образомъ сей тѣсный уголокъ въ мѣрѣ—убѣжище щастливаго убожества—склонился наконецъ подъ иго преобладанія Великобританцевъ послѣ столѣтней борьбы за свободу и независимость, — и какимъ образомъ нынѣ, доснавая въ дань легионамъ побѣдителей наилучшихъ ратоборцевъ—цвѣтъ своего юношества, онъ опустошаетъ страны свои и безъ того уже опустѣлыя. Часто посѣщали мы печальныя развалины того замка, въ копоромъ прекрасная и злополучнѣйшая Марія долго спенала въ оковахъ самыхъ Шотландцевъ, — прежде нежели укрылась въ Англію и простерла выю свою подъ сѣкиру безчеловѣчной Елисаветы. Никогда другъ мой не оставлялъ сихъ плачевныхъ мѣстъ, не унеши съ собою глубокой задумчивости и мрачныхъ возпоминаній. „Увы! повторялъ онъ стѣсненный скорбію; въ сѣи то пагубныя минуты безпорядка погибла на всегда свобода Шотландіи! Ахъ, одна только свобода сослав-

лаетъ жизнь; и я не живу!... У меня нѣтъ болѣе отечесства!... Едва однѣ глухія вѣсти о прежнихъ Монархахъ нашихъ опъзываются иногда въ сихъ печальныхъ горахъ, гдѣ нѣкогда могущіе мышцею и разумомъ гремѣли своими дѣлами!“ Тщетно я силился отвлечь друга моего отъ сихъ горестныхъ мыслей, тщетно обращалъ вниманіе его на другіе предмѣты: болѣе всего онъ любилъ науки, болѣе наукъ онъ читилъ вѣру отцевъ своихъ, всего же болѣе преданъ былъ своей отчизнѣ. Онъ поучалъ меня всѣмъ преданіямъ, которыя занялъ въ горахъ отъ своихъ собратій. Я не могъ изучиться совершенно древнему языку Каледонскому, не могъ постигать всѣхъ таинственныхъ красотъ его; ибо онъ чрезвычайно труденъ. Но всѣ пѣсни, которыя зналъ другъ мой, я выучилъ,—и понималъ ихъ очаровательныя красоты, составляющія ихъ душу. Онъ описывалъ мнѣ славу своихъ предковъ; вѣщалъ мнѣ о томъ: какъ велики были Монархи протекшихъ времянь; какъ многочисленны поклѣнія, коими они обладали; какъ славны Барды, кои сопровож-

319465

дали добровольно своихъ бранноносныхъ
согражданъ на кровавыя битвы съ врага-
ми и искали смерти своей шамъ, гдѣ по-
легли вожди — которымъ они и жизнь, и
пѣсни свои посвящали.

„Я произхожу, говорилъ онъ мнѣ въ
одинъ прекрасный вечеръ, отъ тѣхъ Ма-
кловыхъ, — которые въ бесплоднѣйшей спра-
нѣ моего отечества влачась въ убожествѣ
дни свои и подчинены власти Начальника
называемаго *Лаирдомъ*; онъ потомокъ
одного съ нами колѣна и носитъ одно съ
нами имя. Когда бы страна обитаемая на-
ми была населена повсюду, то она могла
бы составить значительную область; но
мы на обширномъ пространствѣ оной едва
считаемъ до ста семействъ. Жилища на-
ши — утвержденныя на вершинахъ скалъ —
не имѣютъ ни оконъ, ни каминовъ. Земля;
дичь и рыба — суть наши; но почва первой
есть камень, вѣчная мгла и шуманы по-
добно густой завѣсѣ скрываютъ отъ
насъ лучи солнца, жестокая стужа нала-
гаетъ оковы на воды — и самые звѣри и-
щутъ благодѣтельнѣйшаго убѣжища. Та-
кимъ образомъ прапеза наша, приправле-

мая одной умѣренностію; естественно долженствуешь быть чрезмѣрно скудна; а въ суровую пору года не рѣдко и блѣдный голодъ посѣщаетъ наши хижины. Но ни за что въ свѣтѣ мои собратія не оставляй дикаго своего уединенія, ни на что не промѣняють скудости своей — и они охотно поспѣшаютъ на труды свои. Мы любимъ поднебесныя горы, которыя оградили въ насъ простоту чувствъ отъ разплѣнія нравовъ побѣдителей нашихъ.

Лаирдъ поколѣнія нашего рядить нами и судить насъ по древнимъ обычаямъ, которыми судились предки наши; ежели только остается что нибудь судить тамъ, — гдѣ собственность столь ограничена, гдѣ самое имя *границы* не извѣстно. Наши сестры и жены молятся и прядутъ, сохраняютъ къ намъ ненарушимую вѣрность чувствъ своихъ до могилы, — и кромѣ насъ не знаютъ другаго свѣта. Шалашъ моего престарѣлаго родителя обращенъ къ восточной сторонѣ отечества *Маклодовъ*. Мы выдаемъ съ собратіями нашими въ дни только праздниковъ во Храмахъ; прочихъ же людей

почти никогда не встрѣчаемъ: ибо рѣдкій странникъ отважится переплыть море волнуемое вѣчною бурей, пройти непроходимыя стремнины горъ—и спустить на пороги наши. На стѣнѣ хижины моего отца виситъ древо, представляющее родословный рядъ предковъ и кровныхъ нашихъ; и если кто либо изъ *Маклодовъ* помыслилъ о недостойномъ поступкѣ, тошъ взглянувъ на древо устыдится и покаянется — никогда не посрамишь опцевъ своихъ въ могилѣ.“

Тогда только постигнувъ я благородно-гордое сердце и весь характеръ моего друга. Возвышенный отъ природы духъ его, напитанный отъ самой колыбели созерцаніемъ томныхъ картинъ столь величественнаго уединенія — естественно долженствовалъ ознакомить душу его съ одними мрачными и печальными чувствами, вдохнуть въ него любовь къ свободѣ и славѣ \содѣлаться достойнымъ крови Царей и Героевъ. Таковъ былъ другъ мой! Однажды, когда я вмѣстѣ съ нимъ возшелъ на высокое жилище *Артура*, онъ

пересказаль мнѣ слѣдующее преданіе о своемъ родѣ.

„Одинъ изъ праотцевъ моихъ—родо-начальникъ нашего колѣна—былъ обладателемъ полунощнаго острова. Небо благословило любовь его многими сынами; но болѣе всѣхъ ихъ прославилъ себя старшій изъ нихъ именемъ *Оранъ*. Оп-важный, мужественный, великодушный, неутомимый,—онъ съ хладнокровіемъ взиралъ на цвѣтущихъ дочерей своего отечества. Какъ левъ выступалъ онъ на брань съ дерзновенными, какъ герой возвращался среди торжественныхъ побѣдныхъ пѣсней—сопровождаемый толпами плѣвленныхъ; но посреди плѣнниковъ сердце *Орана* было свободно. Съ недоумѣніемъ и скорбью взиралъ родитель на одинокаго героя: „*Оранъ*, внемли мнѣ, *Оранъ*! Придетъ время, когда повѣсишь ты на всегда щипъ швой въ сей храминѣ,—и не будетъ сына, коего бы рука съ честію подыала оный послѣ моего *Орана*!“ Такъ вѣщалъ скорбный старецъ, обращая многозначущіе взоры на сына погруженного въ думу. „О родитель мой! возклицалъ со

вздохомъ Випязь; мышца моя и жизнь посвящены тебѣ и моимъ брашьямъ; но душа моя тоскуетъ по далекой сторонѣ, по другой отчизнѣ“ Когда же въ замкѣ все объято было дремотой и глубокимъ безмолвіемъ, или когда при радостномъ пиршествѣ пѣнилась круговая полная чаша; тогда *Оранъ* вооружалъ рамена своимъ лукомъ и колчаномъ, быстро спремился по грознымъ горамъ и утесамъ, провождалъ цѣлыя ночи надъ крутыми берегами ревущаго моря. *Шумящія* вѣтви претарѣлыхъ дубовъ бросали длинныя тѣни по мшистому полю, — и въ безпрестанномъ волненіи сихъ тѣней пламенное воображеніе уединеннаго юноши шворило для себя парящихъ духовъ и видѣнія существъ пренебесныхъ. Въ одно время весь углубленный въ волшебное царство мечтаній покоился молодой герой, простершись на землѣ орошаемой брызгами моря; сердце его стремилось въ надзвѣздныя страны. Внезапно на ближайшемъ холмѣ предсталъ взорамъ его хоръ благолѣпныхъ дѣвъ въ бѣлыхъ одеждахъ. Снѣжныя ихъ покрывала то плавали волнуясь дыханіемъ

вѣтра, то сплались подобно легкимъ парамъ по мшистому холму. Всѣ онѣ казались покарялись мановенію одной, благоговѣли предъ одною, — предъ лицомъ которой прелести ихъ исчезали такъ, какъ исчезаютъ предъ лицомъ солнца яркія звззды. Во всемъ существѣ *Орана* струился потокъ райскаго упоенія; онъ не смѣлъ переводить дыханія, — дабы не прервать столь прелестнаго сновидѣнія, ежели только сіе можно было назвать мечтою. Богиня дала знакъ рукою; съ благоговѣніемъ удалились отъ нея дѣвы и исчезли подобно тѣнямъ надъ берегомъ моря. Юноша цѣпенѣлъ отъ недоумѣнія. Богиня въ другой разъ подаетъ ему знакъ: Витязь приближается съ робостію, — и съ каждымъ шагомъ неописанная красота небеснаго сего существа поражаетъ его болѣе и болѣе. Онъ преклоняетъ колѣна предъ нею; божество простираетъ къ нему прелестную руку, подымаетъ его, прижимаетъ къ своему сердцу, — и новымъ мановеніемъ велитъ ему удалиться. Сопутницы *прекрасной* возвратились. Еще разъ непостижимая бросила небесный взоръ на изу-

мленнаго *Орана*, положила прекрасный персть на розовыхъ устахъ своихъ въ завѣшь молчанія,—и скрылась посреди зыбей морскихъ подобно легкому шуману. Съ того времени любовь начала быть счастьемъ юноши, а молчаніе завѣшомъ любви. Не поспигая собственныхъ чувствъ своихъ возвратился онъ въ замокъ родительскій. Отселъ день преобразился въ ночь его жизни. Увлекаемый волшебными мечтами скипался онъ какъ тѣнь, пока сумрачный вечеръ не простиралъ покроя своего на всю природу. Когда же первая звѣзда проглядывала на голубой тверди и блескомъ своимъ привѣтствовала лишеннаго спокойствія героя; то въ ту же минуту съ шумомъ подымались волны морскія, пророчесственный шопотъ слышимъ былъ въ глуши трепещущихъ листьевъ дубовыхъ, бѣлѣлись ризы таинственныхъ дѣвъ и богиня возвращалась къ своему возлюбленному. Но лишь только та же самая звѣзда начинала блѣднѣть предъ зарницею; то съ удаленіемъ первой и счастья *Орана* сокрывалось. Богиня исчезала въ царствѣ ээира; а печальный юноша

устремлялъ шаги свои къ родительскому крову, дабы провести цѣлый день во вздохахъ. Нещастный казался совершенно умершимъ для ближнихъ и кровныхъ,... и всѣ убѣгали нещастнаго! Съ горестію взиралъ престарѣлый родитель на ночныя оплочки сына; другіе смотрѣли на оныя злобно... Какъ вдругъ страшная вѣспѣй близкой брани смутила его согражданъ. На упріе должно было двинуться ополченіямъ ратнымъ. Первый разъ въ жизни своей съ душевною скорбью приближился Оранъ къ мѣсту, куда приходилъ онъ столько разъ наслаждаться блаженствомъ. Оранъ не могъ жить безъ своей возлюбленной. Съ райскою улыбкой, съ ослабленнымъ взоромъ приближалась къ нему богиня и изрекла отрадную вѣспѣй, — что вскорѣ онъ на вѣки будетъ принадлежать ей. Смущенный герой не постигалъ разума словъ ея; но съ благодарностію принялъ часть покрывала, которое она ему вручила. — Прикрѣпи его, рѣкла она ему, къ швоей хоругви; и да будетъ сіе покрывало вѣчно достояніемъ и наследіемъ швоего рода, — и вѣчно побѣда будетъ прикована къ швоимъ знаменамъ.

„Когда Оранъ выступилъ на брань; по-
вручилъ хоругвь сѣю своимъ кровнымъ,
велѣлъ хранишь оную — какъ священный
залогъ побѣды; потомъ смѣшался съ ря-
дами ополченныхъ согражданъ и ринулся
на сопротивныя рати. Дерзновенныя иска-
ли спасенія своего въ бѣгствѣ; подобно
орлу гонящему свою добычу, гналъ ихъ
непобѣдимый повсюду. Наконецъ изто-
щенный усталостію и покрытый ранами
повергся онъ на землю. Солнце закапилось,
сумрачный вечеръ ослѣпилъ павшаго героя;
приятная звѣзда заблестала,—и благо-
творная богиня явилась съ помощію къ
возлюбленному. Покрывъ воздушнымъ по-
кровомъ унесла она его полумертваго отъ
свирѣпыхъ взоровъ раздраженнаго непри-
ятеля и тихо положила въ сокровенномъ
мѣстѣ. Заболившия подруги небесной
невѣсты укропили жизнодательными зе-
лѣями болѣзнь страждущаго и уврачева-
ли его язвы.

„О, кто силенъ описать изумленіе
Орана, когда разкрывши рѣсницы свои
узрѣлъ онъ себя на лонѣ возлюбленной!
„Теперь, вѣщала она ему, теперь ты мой

и умеръ совершенно для свѣта...“ Сбылось!... Съ того времени жизнь его шла въ непрерывномъ и неизмѣняемомъ щастіи, подобно какъ тихій ручей течетъ не возмущаясь чуждыми водами. Онъ наслаждался блаженствомъ, — и ни одно желаніе возвратиться когда-либо къ людямъ мятежнымъ не возмущаетъ его блаженства. Братья *небожителя* свято хранили хоругвь его и орошали слезами его могилу; но онъ съ возлюбленною своею живетъ въ наслажденіяхъ райскихъ, — и ежечасно сближается съ великимъ *Оріономъ*, отъ коего всѣ мы восприяли начало и на лонѣ котораго нѣкогда обрѣтемъ наше успокоеніе.“

Разтроганный жребіемъ знаменитаго предка своего *Маклодъ* окончилъ свое повѣствованіе; мы, прибавилъ онъ, и до сего дня тщательно хранимъ таинственную хоругвь славнаго *Орана*.

Я чувствую себя не въ силахъ разказать повѣсть сію съ той силою и прогательной простотою, съ какими другъ мой разказывалъ мнѣ оную языкомъ Каледонскимъ. Мнѣ кажется, — что я и теперь

вижу всё тѣ порывистыя движенія 'сердца, которыя изображались на лицѣ его въ продолженіи цѣлаго повѣствованія. Увы!.. и онъ подобно *Орану* всегда ожидалъ явленія таинственной красоты! Когда спустились мы съ высокой скалы; въ то время узналъ я отъ *Маклода*, какимъ образомъ переселился онъ въ Эдинбургъ изъ нѣдръ дикихъ пустынь своихъ.

Ландръ его поколѣнія примѣтилъ въ немъ необыкновенныя способности. Онъ неоднократно отправлялъ въ училища благонадежныхъ юношей, дабы приуготовить ихъ носить достойно званіе служителя алтарей,—званія, къ которому единственно только и упошреблялись ученые въ Каледоніи. Къ сему назначенію былъ избранъ и другъ мой. Въ полунощныхъ странахъ Шотландіи религія есть вещь священнѣйшая въ свѣтѣ. Жители оныхъ по большой части Превзитеріанцы и привязаны болѣе, нежели къ жизни, къ вѣрѣ отцевъ своихъ. Храмы ихъ, не много разнящіеся отъ скромныхъ ихъ хижинъ, освящены набожностію и глубочайшимъ къ Создателю благоговѣніемъ,—съ какимъ

они поѣщаютъ Его святыню. Родитель *Маклода* согласился на желаніе *Лаурда*, и *Маклодъ*, — осыпаемый благословеніями старца, сопровождаемый мольбами и слезами ближнихъ и кровныхъ, — простился съ родиною.

Вскорѣ послѣ сей нашей бесѣды получаетъ *Маклодъ* призваніе — занять должность Пресвитера въ одной приморской Колоніи на твердой землѣ. Другъ мой принялъ оное за призваніе самаго Неба; я также долженъ былъ оставить Университетъ и удалиться подъ кровь родительскій. Узы соединявшія насъ дѣлались тѣмъ тверже, чувства наши тѣмъ пламеннѣе, — чѣмъ ближе наступала роковая минута разлуки нашей. Въ послѣдній вечеръ сидѣли мы вмѣстѣ, смотрѣли пристально другъ на друга, — и не могли начать порядочнаго разговора. Наконецъ слезы у меня полились градомъ; другъ мой пасмурно смотрѣлъ на меня, и послѣ долгаго молчанія сказалъ: спанемъ бесѣдовать о дружбѣ нашей, о *Эдуардѣ*! о той святой дружбѣ, которую мы столь вѣрно сохраняли!.. Нѣтъ!... никогда уже

сердце мое не найдетъ подобнаго друга!.. Небо зоветъ меня въ край далекий, въ край чуждый,—и другъ твой одинъ только разъ въ жизни любить умѣетъ! У тебя остается первѣйшій другъ твой — родитель. Твое сердце нѣжно...ты будешь щастливъ.... Я удаляюсь, — и понесу съ собою вѣчное возпомянаніе о тебѣ: оно мнѣ послужитъ надеждою на щастіе среди людей мнѣ незнакомыхъ. „О *Лаугланъ!* (*) повторялъ я спокрашно, о мой безцѣнный *Лаугланъ!* увижусь ли я еще съ тобою хотя одинъ разъ въ жизни?“ Надѣйся!..отвѣчалъ мнѣ другъ мой; но по дрожащему голосу, съ которымъ онъ произнесъ слово сѣе, не прудно было замѣтить — что онъ самъ сомнѣвался въ сей надеждѣ. Нѣсколько помолчавъ мы начали разсуждать о случаяхъ внезапной смерти. Ежели бы только отъ меня зависѣлъ въ-боръ, говорилъ мнѣ другъ мой, то я избралъ бы себѣ смерть отъ перуна; а я предпочиталъ смерть на полѣ брани отъ руки непріятели. О *Эдуардъ*, прервалъ

(*) Это второе имя Маклода.

онъ меня; и мнѣ бы отпратно было скон-
чать жизнь свою въ битвахъ, когда бы
возможно было пожертвовать ею за сво-
боду моего отечества. Но умереть ра-
бомъ побѣдителя?... О другъ мой!... это
горестно, это безславно!... Такъ, вѣр-
но, *Эдуардъ*: съ радостнымъ челомъ
встрѣшилъ бы я смерть, когдабы небес-
ный огонь прекратилъ дни мои, — кото-
рыхъ горизонтъ, ежели вѣрить предчув-
ствію моего сердца, всегда будетъ по-
крытъ мракомъ печалей. Произнесши сіе
онъ крѣпко прижалъ меня къ своему серд-
цу. Послѣ чего мы пошли на мостъ къ
любимой нашей решеткѣ. Блѣдная луна
крошечко освѣщала пропасть подъ нашими
ногами, а надъ головами подоблачную ска-
лу — жилище *Артура*. Здѣсь предъ небомъ
возобновили мы клятвенный обѣтъ въ не-
поколебимой дружбѣ и добродѣтели, — и
никогда сердца наши не нарушили сей
клятвы.

Онъ не писалъ ко мнѣ писемъ опа-
саясь, дабы частое припоминаніе въ оныхъ
разлуки не разправляло ранъ сердецъ на-
шихъ; но я имѣю предъ собою его днев-

ныя записки — сіе вѣрное зеркало его чистой и прекрасной души; онъ меня не забывъ въ оныхъ. Изъ сихъ записокъ извлекаю краткое начертаніе того, — какимъ образомъ онъ любилъ, спрадалъ и скончалъ скорбные дни свои.

Маклоду не понравилось мѣсто его назначенія. Люди его окружавшіе преданы были совершенно заботамъ торговымъ, шумнымъ забавамъ большихъ обществъ; измѣряли личныя достоинства числомъ богатствъ каждаго — и несравненно меньше имѣли понятія объ изящныхъ произведеніяхъ геніевъ, нежели о самыхъ рѣдкихъ заграничныхъ произведеніяхъ торговыхъ.

Цѣлая колонія питала живѣйшее уваженіе къ добродѣтелямъ *Маклода*; но ни съ кѣмъ тѣсныя узы полного довѣрія и исключительной дружбы не соединяли его. Онъ совершенно предался чувствамъ уединенія, наукамъ, преимущественно же исторіи. Онъ старался изучиться языку Французовъ — и искалъ случая вступить въ связь знакомства съ однимъ Французскимъ домомъ, коего обладатели вели

жизнь по своей скромности отличную отъ всѣхъ прочихъ. Сперва рѣдко навѣщалъ онъ ихъ, потомъ посѣщенія его день ото дня становились чаще; а наконецъ каждый вечеръ посвящалъ онъ свиданію съ ними.

Софія — единственная дочь, украшеніе и надежда сего добродѣтельнаго семейства — привлекала *Маклода* къ ея дому своею кротостію, простодушіемъ и красотою — какъ волшебною нѣкоторою силою. *Маклодъ* не могъ долѣе скрывать самъ отъ себя, что онъ любилъ *Софію* и любилъ страстно; но онъ не могъ не признавъ такъ же и тѣхъ непобѣдимыхъ преградъ къ своему щастію, кои раздѣляли его на вѣки отъ предмѣта любви его: и преграды сіи между тѣмъ и другою — полагало различіе ихъ въроизповѣданія.

Сколько разъ ни смотрю на сіе мѣсто записокъ моего незабвеннаго *Маклода*, столько разъ — и всегда съ новымъ удивленіемъ читаю въ сердцѣ его неизгладимые слѣды пламенныхъ впечатлѣній юности. Разумъ его украшался обширными познаніями; дѣянія, обычаи, нравы, пороки

и добродѣтели многихъ народовъ были ему извѣсны. Чистота, какъ самая душа его, понятія казались тамъ только теряли свою ясность, — гдѣ сердце не дерзало освѣтить свѣтильникомъ разума уставовъ его вѣроизповѣданія: на семъ только неприступномъ предѣлѣ онъ остановился, упорствовалъ и казался недолимымъ Шопландцемъ — *Маклодомъ*. Во всякомъ другомъ случаѣ безпристрастіе и глубокое изслѣдованіе управляли его разумомъ и чувствами.

Съ наилучшими свойствами сердца, съ превосходнѣйшими дарованіями ума — другой неизвѣсть былъ онъ слабости, зашмѣвавшей иногда свѣтлость чистой и прекрасной души его. Имъ обладала не та шихая, крошкая вѣра, — которая приноситъ съ собою миръ и услажденіе сердцу ищущему оной; но вѣра нѣкая мрачная, порывистая и близкая къ Фанатизму. Онъ пребывалъ, — чтобъ облеченные саномъ учителей вѣры отличались добродѣтелями самыми суровыми, примѣромъ спрожайшимъ — и въ семъ мѣстѣ своихъ записокъ спольже прогашельно /изображаешь живѣйшее же-

ланіе свое нѣкогда соединить судьбу жизни своей съ предѣломъ подобнымъ *Софіи*, сколь рѣшительно обнаруживаетъ непоколебимое свое намѣреніе—никогда не вступать въ сей священный союзъ съ самою *Софією*.

Спирась возженная чувствами непорочнѣйшей любви въ груди мрачнаго *Маклода* умолкала предъ чувствомъ его призванія: каждая строчка его записокъ живописуетъ страданія его сердца; но ни одно слово не показываетъ его колебанія. Вскорѣ одинъ молодой негоціантъ началъ искать руки *Софіи*. Долго добродѣтельная *Софія* сопротивилась сему союзу, долго вопрошала пламенными взорами о судьбѣ своей хладнаго *Маклода*; но когда наконецъ сердце ея не нашло ни какого отвѣта на мрачномъ челѣ его, когда на противъ того посѣщенія его дѣлались рѣже и рѣже,—то и она рѣшилась отдать руку свою новому искателю. Отягченный скорбію *Маклодъ* искалъ разсѣянія въ трудахъ и небольшихъ путешествіяхъ; и при всемъ развлеченіи своемъ никогда не могъ оп-

важиться на свиданіе съ щастливой чстою, и старался убѣгать ихъ дома.

Въ одно время услышалъ *Маклодъ*, что *Софія* уже мать прекрасной малюшки; и не медля ни сколько просиль принесть къ себѣ дитя, взявъ его на руки и съ чувствами сердечнаго волненія смотрѣлъ на него пристально. Малюшка пропаянула къ нему ручки; *Маклодъ* цѣловаль ихъ, оросиль жаркими слезами и прижалъ ихъ къ своему сердцу. Въ семъ невинномъ твореніи, прелестномъ подобіи Ангеловъ, *Маклодъ* началъ оживать. Онъ первыя звуки ея голоса знакомиль съ языкомъ своей отчизны—и снова началъ сближанъ себя съ ея родителями. Рука *Софіи* принадлежала Протестанту, ибо Протестантское изповѣданіе было господствующимъ въ той Колоніи; а потому и юная дочь ея была воспитана въ вѣрѣ своего отца. Супругъ *Софіи* всегда искаль для своей любимой дочери такого наставника, каковъ былъ *Маклодъ*. Онъ хотѣлъ было предложить ему за воспитаніе ея важную награду; но *Маклодъ* отвѣчалъ ему: „сѣ ангельское существо есть услажденіе

„моей жизни; его любовь составитъ нѣ-
когда мою награду,“ и въ заключеніе
требовалъ только того, чтобъ ему поз-
волено было не иначе почитать прекрас-
ную *Целестину*—какъ собственною своею
дочерью. Прелестная, невинная *Целести-
на* питала къ *Маклоду* такую привязан-
ность, — какую только можетъ чувство-
вать нѣжная дочь къ родителю; она была
съ нимъ не разлучна. Заботливая мать
ея была занята попеченіемъ объ устрой-
ствѣ дома; отецъ посвящалъ всѣ почти
часы промыслу и торговлѣ,—а кромѣ то-
го имѣлъ еще и другихъ дѣшей, межъ ко-
торыми дѣлилъ свои старанія и заботы.
Маклодъ же совершенно принадлежалъ
Целестинѣ, *Целестина* совершенно при-
надлежала *Маклоду*.

Лице *Целестины* небывъ прекраснымъ
обнаруживало въ чертахъ своихъ нѣчто
чрезвычайное, очаровательное, какую-то
прелестъ неизъяснимую; цѣлой составъ ея
трогалъ, обворожалъ; величественный
станъ ея плѣнялъ; гордая поступь у са-
мыхъ холодныхъ сердецъ изжоргала по-

чтеніе; небесный огнь кротости изливался изъ очей ея; когда она обращала ихъ на *Маклода*,—онъ обрѣталъ въ нихъ свое блаженство; когда ангельскій звукъ ея касался слуха въ выраженіяхъ языка его опчизны, возхищенная душа его переносилась на любимыя вершины горъ Каледонскихъ—въ нѣдра милой родины. Съ восторгомъ отзывался *Маклодъ* о сихъ сладостныхъ минутахъ; пламенную кистію описывалъ онъ картину своего щасія, низпосланнаго ему благостію Неба, — и дни сіи были блаженнѣйшими днями его жизни. *Маклодъ* изучалъ крошкующую *Целестину* познанію таинственныхъ красотъ человѣческаго слова, переливалъ въ чувства ея высокія чувства творцевъ-Геніевъ; открывалъ предъ нею книгу дѣяній человѣческихъ, извлекалъ изъ нихъ великую науку — жизни: и простота и сила, съ которыми онъ объяснялся въ своихъ сужденіяхъ, глубоко напечатлѣвали на сердцѣ *Целестины* уроки мудрости. Ея разумъ приобыкъ къ изслѣдованіямъ основательнымъ въ каждомъ родѣ познаній, къ выраженіямъ точнымъ и яснымъ со

всею силою мужества—и облеченнымъ въ плѣ волшебныя прелести, которыя одна только душа женщины творить и съ достоинствомъ обнаруживать умѣетъ. *Целестина* къ родителю питала только почтеніе, къ матери дѣтскую нѣжность, привязанность къ братьямъ; но сердце ея исключительно не принадлежало никому: всѣ сїи чувства, слѣянные во едино, сосредоточивались въ *Маклодѣ*. *Маклодъ* вскрылъ предъ нею завѣсу наукъ и знаній; но когда начиналъ обращать рѣчь свою къ ней о религіи, о щастіи избранныхъ: тогда *Маклодъ* казался ей выше человѣка,—и почтительная питомица съ нѣкоторымъ чувствомъ благоговѣнія приступала къ тому, который по словамъ ея приведенъ судьбою отъ предѣловъ сѣвера для образованія разума и сердца щастливой *Целестины*.

Посреди сихъ улыбающихся минутъ щастія, которыя *Маклодъ* посвящалъ образованію своей несравненной *Целестины*, не разъ сердце его содрогалось при мысли: что скоро, скоро пробьетъ часъ

призывающій ее къ чувствамъ новаго ро-
да...и велишь ей любить и быть люби-
мой!... Блаженъ, стократно блаженъ смерт-
ный — для котораго прелести ея разцвѣ-
тають! повторялъ всеминутно во глуби-
нѣ души своей *Маклодъ*; но больше сего
ни одно помысленіе, ни одна надежда, ни
одна мечта не смѣла достигать къ сердцу
Маклода.

Наконецъ съ разцвѣтшею весною при-
роды наступила шестнадцатая весна
жизни *Целестины*. Сердце прекрасной бы-
ло свободно, жизнь пиха и безмятежна;
но недолго протекала она въ щастливой
свободѣ, и спокойствіе ея вскорѣ нару-
шено было. Отецъ *Целестины* желалъ,
чтобы она руку и сердце свое отдала
одному богатѣйшему Колонисту.— О роди-
тель! ни взоръ мой, ни сердце мое не
знають сего человѣка; говорила со слеза-
ми трепещущая *Целестина*.

Сердце *Маклода* обмерло при сей
роковой вѣсти. Быстро устремился онъ
къ берегу моря, чтобы вооружиться му-
жествомъ и разсудкомъ. Страшная борьба
чувствъ возстала въ душѣ несчастнаго;

стокрасть онъ вопрошалъ себя: безумный! можешь ли быть *Целестина* твоею?... Онъ сравнивалъ свои прицать восемь лѣтъ съ пятнадцатью годами *Целестины*... Какъ? восклицалъ онъ, можешь ли дочь здѣлаться супругою?... Но любовь превозмогла все, и прелестная надежда — благодатный геній счастья — перенесла его въ волшебное царство блаженства. Мечтатель возвратился къ возлюбленной и засталъ ее утопающую въ слезахъ, погруженную въ глубокую горестъ. Она спросила его: для чего онъ ее теперь оставляетъ? Отецъ *Целестины* былъ тупъ же; онъ изображалъ предъ нею яркими красками картину счастья въ обладѣннѣ богатствами, — и видя, вмѣсто всякаго отвѣта одно сопротивленіе дочери, удалился съ неудовольствіемъ и даже съ негодованіемъ. — Тебя только одного знаю, *Маклодь*, сказала наконецъ она послѣ долгаго и многозначущаго молчанія, ... и подала ему руку; тебя только люблю, *Маклодь*... О *Маклодь*! будь моимъ... будь моимъ заступникомъ предъ родителемъ.

Маклодъ не могъ долѣе безмолствовать; душа его не вмѣщала великой мѣры возмущенія, она вырывалась изъ груди его... и онъ напоследокъ, прижавъ ее къ сердцу, воскликнулъ: будь моею, ... моею на вѣки, о *Целестина*! последуй за мною въ мою далекую отчизну!.... *Целестина* съ ужасомъ отступила.—Проси, произнесла она дрожащимъ голосомъ, проси, о *Маклодъ*! моего родимеля,—чтобы онъ выборъ предоставилъ на мою волю; мое сердце еще никого не любитъ такъ, какъ ты училъ меня; ты училъ: что должно любить сердцу, дабы отважиться на вѣчный союзъ съ другимъ сердцемъ.—Низвалъ тайнственнѣйшій покровъ!... Исчезли прелестныя надежды! и *Маклодъ* стоялъ, какъ будто оглушенный перуномъ. Сердце *Маклода* облилось кровью... и счастье жизни его оплелѣло на вѣки.

Прежняя любовь къ матери *Целестины* была въ *Маклодѣ* одною преходящею склонностію, одною минутной искрой—и она скоро погасла; но любовь къ дочери, возлѣблянная и усиленная цѣлыми годами здѣлалась наконецъ опасною страстію.

Безпечный *Маклодъ* не могъ понимать всей силы оной въ щастливомъ убѣжищѣ спокойствія: одна минута разлуки—и разлуки вѣчной дала ему почувствовать весь ужасъ его положенія. Въ первыя минуты своего изступленія онъ рѣшился было уже не видѣть той, — кодирая за толкѣе пруды, нѣжность и пожертвованія заплатила ему вѣчною горестію; но скоро одумался и призналъ совершенно ея невинность. Сгнмолюбіе довершило прочее—и вооружило сердце его мужествомъ. Онъ пошелъ по обыкновенію къ *Целестинѣ*. Съ трогательнымъ и нѣжнымъ видомъ, но не безъ боязни, приблизилась она къ нему; пожала его руку и сказала: еще ли, о *Маклодъ*! въ сѣи несчастныя и роковыя минуты, когда все кажется поклялось погубить меня, еще ли будешь ты моимъ отцемъ и моимъ другомъ?—Съ искреннею готовностію посвящаю тебѣ всего себя, отвѣчалъ онъ,... и пока будетъ возможно, при-сокупилъ тихимъ и дрожащимъ голо-сомъ.—Въ самомъ дѣлѣ *Маклодъ* до того обладалъ своимъ сердцемъ, что постоянно навѣщалъ ее и продолжалъ учебныя

свои занятія съ нею. Часто онъ старался, усиливался принять на себя видъ веселости; но самое усиліе сіе придавало лицу его черты жестокихъ страданій. Не смотря на ихъ взаимное влеченіе сердець, на взаимную привязанность,—сердца ихъ не имѣли ни одной радостной, спокойной минуш; и свѣтлость ихъ жизни съ каждымъ днемъ покрывалась новымъ облакомъ печали. Подобное состояніе души не могло быть продолжительнымъ, не причинивъ ей сильныхъ ударовъ,—и вскорѣ послѣ сего изнемогающія его силы, увядающее здоровье подали ему желанный случай прекратить горестныя его пощенія.

Печальная *Целестина* никогда не могла бы перенести внезапной разлуки, чтобы въ одну минуш потерять своего наставника и друга; но она мало по малу привыкала къ сему удару. На противъ того для *Маклода* сіе медленное изощщеніе его наслажденій было несравненно мучительнѣе самой смерти. Съ каждымъ днемъ пощенія его прекращались; чѣмъ далѣе, тѣмъ онъ видѣлъ ее рѣже и рѣже; видѣлъ—и стократъ больше страдалъ отъ

одной мысли, что она и безъ него жить можетъ. Напослѣдокъ онъ приходилъ только къ ней иногда вечеромъ, и то на нѣсколько минутъ; читалъ съ нею Поэтовъ, которыми она безъ его пособія не могла понимать совершенно: онъ не находилъ въ себѣ довольно твердости, — чтобы отказать и отъ сихъ нѣсколькихъ минутъ единственныхъ, въ которыя онъ не со-всѣмъ сомнѣвался въ своемъ существо-ваніи.

Благодѣтельная болѣзнь поспѣшила *Максоду* на помощь и избавила его отъ спираданій, которыя онъ чувствовалъ въ сіи минуты. Съ каждымъ мгновеньемъ *Целестина* доставляла ему новый слу-чай увѣриться въ ея непришворной къ нему приверженности и нѣжности. Про-буждаясь иногда отъ безпокойнаго сна, иногда отъ безчувственности, — онъ всегда находилъ у себя на столикѣ ея письма, ея прекрасные цвѣтки и рѣдкіе плоды: ахъ! возможноли ему было въ такомъ слу-чаѣ забыть горесть, снѣдающую его, и возвращить потерянные силы?

Цѣлая Колонія лишилась въ немъ своего наставника, несчастные потеряли въ немъ Ангела утѣшителя, богобоязненные служителя вѣры и ходатая у престола Божія: ибо и сей спасительный подвигъ былъ строго запрещенъ вѣрачемъ *Маклоду*, не смотря на все его сопротивленіе. Всѣ отыскивали, всѣ отгадывали и находили причину столь насильственной болѣзни въ его тоскѣ по своей родинѣ; а потому и изходатайствовали ему мѣсто Пресвитера въ Каледоніи. *Маклодъ* не имѣлъ ни малѣйшаго свѣденія о такомъ стараніи своихъ приверженныхъ, и принялъ новое свое предназначеніе какъ непреложное призваніе судьбы Всевышняго: „иду, возкликнулъ онъ полу умирающимъ голосомъ, иду, о Отче благій! по гласу Твоему; и мановеніе десницы Твоей будетъ управлять шествіемъ раба твоего. А ежели возвращусь въ нѣдра опчизны моей безъ души и безъ сердца; то по крайней мѣрѣ обрѣту друга юности моей, обрѣту мирныя горы мои, — а можешь быть и успокоеніе послѣ толкихъ спраданій!“

Злополучный не хотѣлъ уже видѣться съ *Целестиной*; онъ занялся разпоряженіемъ дѣлъ своихъ: и когда все нужное для пущи перенесено было на корабль, который съ появленіемъ утра долженствовалъ поднять паруса; то съ сердцемъ стѣсненнымъ скорбью сѣлъ онъ въ хижинѣ своей и жалобно взиралъ на голыя стѣны, на осиротѣвшія мѣста протекшаго своего щастія. Въ такомъ горестномъ состояніи души получаетъ онъ записку отъ *Целестины*. Она узнала о его новомъ назначеніи, просила, заклинала его всѣмъ священнымъ для него—еще разъ видѣться съ нею, ежели онъ къ спокойствію ея не былъ равнодушенъ; ибо въ противномъ случаѣ онъ своимъ отъѣздомъ, говорила она, совершенно обнаружилъ бы свое къ ней недоброжелательство. *Маклодъ* не умѣлъ отказывать ни въ чемъ *Целестинѣ*, колебался...и рѣшился какъ можно раньше въ послѣдній разъ и на всегда проститься съ нею.

Уже зарница блѣднѣла, яркій пурпуръ разливался по горизонту, и юное утро

бѣдѣло на возтокѣ... *Маклодъ*, проведшій всю ночь въ мучительномъ безпокойствѣ, собирався идти къ *Целестинѣ*; какъ въ ту же минуту прибѣгаетъ посланный съ корабля возвести ему, — что вѣлперъ дуешь ихъ плаванію благоприятный, что ни одной минуты терять не возможно. „Такъ угодно Небесамъ“ воскликнулъ въ горестномъ возторгѣ *Маклодъ*, ... вздохнулъ отъ глубины души, сѣлъ — и написалъ слѣдующее:

Маклодъ къ Целестинѣ.

„Еще разъ желалъ я, о *Целестина*, прижать тебя къ моему сердцу; ... но Небо иначе опредѣлило... судьбамъ это не угодно! За что мнѣ писать къ тебѣ, о *Целестина*, гнѣвъ или недоброжелательство? ты принесла мнѣ безцѣнные плоды, какихъ только сердцу моему желать позволено было. Покорствуя гласу призванія моего и Небесамъ зовущимъ меня, о *Целестина*! я разлучаюсь на вѣки съ тобою; но образъ твой будетъ моимъ предпечемъ въ трудномъ моемъ странствованіи, въ отдаленной странѣ среди пустынного

безмолвія дикихъ горъ. Я жилъ для те-
бя.... Оставляю тебя такою, какою всег-
да видѣть желалъ: невинною, добродѣтель-
ною... ты ею на вѣки останешься, — оста-
нешся моею опрадою, моймъ утѣшеніемъ,
моею лучшею надеждою! Прости на всег-
да! будь счастлива, и не забывай: что для
меня еще одно осталось упованіе въ мірѣ —
упованіе встрѣтить тебя тамъ, — отколѣ
произтекла прекрасная, свѣтлая душа
твоя... Еще разъ прости на вѣки!“

Къ сему письму присвокупилъ онъ
нѣкоторыя книги назначенныя для *Целе-*
стины. Тотчасъ по прибытіи его на ко-
рабль паруса подняты; но еще якорь не
успѣли поднять на палубу, какъ *Целе-*
стина явилась въ пристани. Лишь толь-
ко получила она письмо отъ *Маклода*;
какъ и устремилась поспѣшно къ жилищу
его, а оттуда къ берегу моря. Она назы-
ваетъ по имени своего друга, машетъ
ему бѣлымъ покрываломъ, просираваетъ
къ нему объятія; но корабль быстро
разсѣкалъ уже волны, возгласанія матро-
совъ заглушали слабый гласъ *Целестины* —
который шераясь въ воздухъ не достигалъ

до слуха ея друга. Долго еще снѣжное покрывало печальной пиюмицы развѣвалось на берегу морскомъ... и долго скорбный *Маклодъ* смотрѣлъ на друга своего въ зрительную трубку, ... онъ смотрѣлъ еще и тогда, когда кромѣ Неба и синихъ зыбей морскихъ ничего видѣть не возможно было!... Наконецъ обративъ взоры на самаго себя, — медленно удалился въ каюту, заключилъ себя въ стѣнахъ ея и въ словѣ Божіемъ искалъ своего утѣшенія. Тогда на морѣ возсала страшная буря подобная той, какая свирѣпствовала въ груди несчастнаго *Маклода*. Вѣтеръ дулъ необыкновенно сильный; подобно птицѣ корабль летѣлъ съ безпримѣрною быстротою. Въ два дня плавательямъ показались берега Великобританіи. *Маклодъ* отправился въ Эдинбургъ: сладостная надежда — пасть въ объятія своего друга предшествовала ему въ пути, ускоряла шаги его; но онъ меня не засталъ, и обнялъ только моего родителя. Тогда я скитался въ другой части свѣта—служу въ компаніи Остѣ-Индской, и уже по прошествіи пяти лѣтъ возвращенія *Макло-*

дова я прибыль въ Эдинбургъ — жилище щастливой юности нашей.

Въ трогательномъ повѣствованіи изобразилъ мнѣ родитель горестное сожалѣніе моего друга о томъ — что онъ обманулся въ своей надеждѣ, не заставши меня въ Эдинбургѣ; онъ описалъ мнѣ и то, какая мертвая блѣдность выражалась въ чертахъ изнеможенного *Маклода* и до какой степени простирались его страданія. *Маклодъ* просилъ показать себѣ ту комнату, въ которой я провелъ лучшіе дни моей жизни: въ ней глаза его встрѣтили все то, что я получилъ отъ него въ завѣщъ дружбы; и съ сердцемъ разшоганнымъ, съ слезами на глазахъ сугубо увѣрился въ томъ, — сколько для меня казались священными самые малые остатки, приводившіе на память образъ моего друга. Между прочими памятниками щастливой юности нашей висѣла на стѣнѣ комнаты моей картина, представлявшая ужасъ пропасти между *старымъ* и *новымъ* *городомъ* съ желѣзною решеткой, — гдѣ мы въ послѣдній разъ прижимали къ сердцу другъ друга, въ послѣдній разъ

прощались на вѣки и клялись въ братской
нѣжнѣности. Внизу сей картины *Маклодъ*
начерталъ карандашемъ:

О возвратись скорѣй, мой нѣжный другъ!

И вѣрнаго тебѣ на вѣкъ *Маклода*

Ищи, ищи въ родныхъ его горахъ!

Съ тобой вздыхашь, съ тобой дѣлать
нечастье —

Не значилобъ еще несчастнымъ быть;

А умереть?.. о, это счастья верьхъ!...

Долго скитался я въ странахъ от-
даленныхъ, много претерпѣвъ и наконецъ
послѣ многихъ приключеній возвратился
въ Единбургъ—въ обѣщанія престарѣлаго
моего родителя. Послѣднѣя сїи слова, на-
чертанныя рукою моего друга, были для
меня священнымъ призывнымъ гласомъ
самаго Провидѣнїя. Я рѣшился, чего бы
то ни стоило, отыскать моего безцѣннаго
Маклода, — и отправился въ *Дубартонъ*
въ сопровожденїи одного только служи-
теля. По лѣвую сторону пути моего ве-
личественно, но крошечко кашилъ волны
свои прозрачный *Лоухъ-Ломондъ*. Много
спрашивалъ я въ моей жизни, много

видѣлъ, многимъ прельщался; но никогда не поражаемо моихъ взоровъ столько дикихъ красотою природы, сосредоточенныхъ воедино. Одна только мысль о важной для моего сердца цѣли сего путешествія сильна была отвлекъ меня отъ величественнаго зрѣлища подоблачныхъ горъ и скалъ, которыя теряютъ вершины свои въ вѣчныхъ туманахъ; отъ сихъ посѣдившихъ остатковъ грозныхъ замковъ, на развалинахъ коихъ почилъ уже цѣлый вѣкъ — свидѣтели протекшаго величія Каледонянъ.

Въ Инверарѣ я долженъ былъ оставить мой экипажъ и отправиться пѣшимъ далѣе въ товариществѣ одного проводника. Чѣмъ далѣе углублялся я; тѣмъ путешествіе мое становилось затруднительнѣе, окрестности спрашивать и не приступать. Съ каждымъ шагомъ встрѣчалъ я утесы грозно нависнувшіе надъ пустою неизмѣримыхъ пропастей; и при видѣ оныхъ холодный трепетъ разливался по моимъ жиламъ.

Уже вмѣсто часто-разбѣянныхъ селъ и деревень утомленный взоръ мой едва,

и по изрѣдка, открывалъ уединенные палашы и хижины; а иногда и самыя даже слѣды узкихъ тропинокъ предо мною исчезали. Сколько разъ захваченные насильственной бурей и черною грозой, измученные голодомъ и усталостію разсѣкали мы на ушломъ челнокѣ ярыя волны озеръ— которыми спрана сія какъ каналами изрыта! Сколько разъ бѣненіе жизни обмирало въ груди моей— не отъ страха погибнуть; но отъ горести погибнуть въ разлукѣ съ любезными сердцу! При всемъ шомъ усердіе и гостеприимство жителей изглаждали изъ памяти моей всѣ сіи ужасы природы и мирили сердце мое съ свирѣпствомъ стихій сего дикаго края. Звуки языка — имъ природнаго, которому столь удачно научилъ меня подражать мой незабвенный Маклодъ, усугубили ихъ ко мнѣ довѣренность и услужливость. Безъ всякихъ опасеній, съ полнымъ спокойствіемъ въ душѣ провождалъ я цѣлыя ночи въ нѣдрѣ семействъ мнѣ чуждыхъ и иноплемянныхъ; и при появленіи утра, лишь только сѣрый разсвѣтъ начиналъ разрѣжать непроницаемыя мглы и шума—

ны, — я устремлялся въ дальнѣйшій путь съ новыми силами, съ новой надеждой. Часто пасмурныя облака вѣнчали вершины горъ и скалъ, — и я тогда только постигалъ совершенно: отъ чего пѣснопѣнїя священныхъ Бардовъ дышатъ однѣми скорбными чувствами, оживлены одною мрачною выспренностию и кровавыми чертами, — а не смѣющимися картинами рѣздаго воображенїя. Не однократно я и самъ, переносясь на крыльяхъ воспоминанїя въ волшебное царство протекшихъ вѣковъ и людей, видѣлъ въ стущенныхъ и волнистыхъ шухахъ древнихъ Витязей; видѣлъ — какъ они покрытые булатной броней то возникали изъ за облакъ въ образѣ грозныхъ исполиновъ, то исчезали на тверди протянувшись по небосклону длинной и сѣрой грядою.

На пустыхъ равнинахъ возносятся высокія *Карны* — могилы древнихъ богатырей; онѣ священны для памяти ихъ признавательныхъ потомковъ, — и всякій прямодушный обитатель горъ Каледонскихъ, проходя мимо сихъ почтенныхъ памятниконъ, не преминетъ умножить чис-

ло камней взгроможденныхъ въ вилѣ высокихъ костровъ — которые покрываютъ прахъ усопшихъ. Здѣшніе проводники называли мнѣ ихъ камнями *Оссіана*: ибо все великое поражавшее въ сихъ горахъ мои взоры носить на себѣ имя сего великаго пѣснопѣвца, все благодарнымъ преданіемъ приписано *Оссіану*. Подобные костры называютъ такъ же камнями единоборства (*Mac-Brolchins Klach*.) Я не зналъ, подѣ какимъ названіемъ извѣстна паства вѣренная попеченіямъ моего друга; а потому и долженъ былъ обратиться къ *Лаурду Маклодовъ*. Въ продолженіе всего путешествія моего по сей странѣ вездѣ взорамъ моимъ представлялась печальная картина полуобнаженной бѣдности, земледѣліе въ колыбели, убѣжище отъ суровости стихій въ уединенныхъ шалашахъ и хижинахъ: и въ нѣдрѣ сей нищеты и скудости сердце мое всегда встрѣчало богатство простоты нравовъ, избытокъ радушія и привѣтливости и страннопримства. Многократно мнѣ случалось видѣть молодыхъ, прекрасныхъ дѣвъ возливавшихъ молоко на нѣкоторые камни —

бывшіе нѣкогда посвященными въ честь божества *Груахаха*. Мнѣ показывали здѣсь проеугольные стекла съ вырѣзаннымъ на нихъ изображеніемъ змѣи, называемой *Глае-Наидомъ*: она по преданіямъ предковъ водворяла щасіе, обиліе и здорovie въ жилищѣхъ ихъ, — кои симъ сокровищемъ обладали. Наконецъ продолжалъ я многотрудное мое путешествіе печальнѣйшею въ свѣтѣ пустынею близъ горы *Бенъ-Брисвалъ* (*) въ *Дунеганъ* — мѣсто пребываніе *Лау да Маллодовъ*. Я не засталъ *Лаирда*; но управитель тамошняго замка принялъ меня съ искреннимъ усердіемъ и самъ предложилъ осмотрѣть достопамятности онаго. Онъ повелъ меня въ *Анаидъ* — мѣсто, въ коемъ нѣкогда вдохновенные *Друиды* отправляли свое священнослуженіе. Таковыхъ мѣстъ находится нѣсколько въ семъ краѣ; и онѣ въ особенности опличаются тѣмъ, что

(*) Слово *Бенъ* означаетъ утесистую гору, оно имѣетъ нѣкоторое сходство съ древнимъ Англійскимъ словомъ: *pen*, Гишпанскимъ *pena*, Португальскимъ *pena* — и доказываетъ давнее родство народовъ сѣверныхъ съ южными.

всѣ имѣютъ совершенно одинаковое положеніе. При устьѣ двухъ рѣчекъ, по срединѣ болоша возвышаются два холма; одинъ изъ нихъ стоить къ востоку, а другой къ западу. Каменная стѣна проведена отъ одного берега до другаго. Посреди треугольника находится четвероугольникъ сооруженный изъ кубическихъ камней. При входѣ представляются взорамъ обросшія мхомъ развалины двухъ зданій; самая же стѣна обведена еще землянымъ валомъ. Дорога ведущая къ треугольнику шьется въ толкихъ болошахъ.

Но всего любезнѣе моему сердцу былъ взглядъ на ту таинственную, волшебную хоругвь, — о которой другъ мой столько разъ упоминалъ въ своихъ повѣствованіяхъ. Разгоряченное воображеніе рисовало мнѣ образъ оной въ чертахъ золотыхъ, красками небесными: я столько былъ занятъ симъ священнымъ даромъ божественной дѣвы, что самое обыкновенное копье съ кускомъ ветхой ткани мнѣ показанное не изпребило во мнѣ пышнаго объ ней понятія. Я пожиралъ жадными взорами дубовый щипъ сугубо обшнутый

кожею буйвола, военные сѣкиры, шулы, сирѣлы, луки и мечи—разставленные въ обширномъ зданіи. Въ продолженіи цѣлой ночи я мечталъ во снѣ объ одномъ *Ла-углаиѣ*. Лишь только свѣтъ утра начиналъ проникать въ мою комнату; какъ проводникъ пришелъ разбудить меня и донесъ, что онъ узналъ наконецъ мѣсто—которое другъ мой избралъ для своего убѣжища. Въ радостномъ восторгѣ я забылъ проститься съ моимъ почтеннымъ угостителемъ, — и когда солнце начало показываться на горизонтѣ, я уже далеко очутился за *Дунвеганомъ*. Уже сумрачный вечеръ разстился по горамъ и долинамъ, когда мы узрѣли двѣ хижинки подъ высокимъ утесомъ. Сіи жилища были софдственны съ приходомъ *Маклода*. Я не хотѣлъ медлить ни минуш—и потъ же часъ желалъ отправиться дальше; но мои хозяева никакъ не соглашались проводить меня, увѣряя: что они ночью ни за что въ свѣтъ не спунятъ на гору *Бенз-Кайлахъ*—страшное обиталище древней волшебницы; а гора сія была не минуема на пуши нашемъ. Должно было покориться

необходимости; дневное изнеможеніе вскорѣ сомкнуло глаза мои сномъ крѣпкимъ. Но лишь только мелькнулъ разсвѣтъ межъ горами, какъ я тотчасъ потребовалъ себѣ проводника; онъ отвѣчалъ мнѣ, что еще не время. Влекомый съ каждой минутой мучительнымъ нетерпѣніемъ, я упросилъ хозяина хижины — въ которой провелъ ночь, чтобы онъ мнѣ сопутствовалъ. Долго взбирались мы на крутизну горы. На кремнистой и обнаженной вершинѣ ея дорога дѣлалась съ каждой минутой труднѣе. Глаза мои окрестъ ничего не встрѣчали, кромѣ тысячи острыхъ и спрашныхъ утесовъ надъ безднами висящихъ; нога моя не вступала ни въ одинъ знакъ слѣдовъ человѣческихъ: не было ни одного жилища, ни малѣйшаго даже признака существъ живущихъ... природа казалась во гробѣ.

Я сѣлъ на огромной грудѣ камней, подъ коими по увѣренію моего новаго проводника плѣли кости спрашной исполинки падшей отъ руки могучаго *Фингала*. Блуждающіе мои взоры искали въ окрестностяхъ мѣста ошдохновенія;... тщетно!

Я всталъ, пустился въ даль и спросилъ проводника: хорошли мы продолжаемъ путь нашъ?— „Нѣтъ, отвѣчалъ онъ: никто лучше меня не знаетъ здѣшнихъ пропункъ; но волшебница очаровала меня, — и мы сбились съ дороги.“ Онъ мнѣ изчислялъ по имени всѣ ближайшія въ окружности горы, но это мало помогало, — и онъ вездѣ опознавался. На оспрыхъ и голыхъ скалахъ глухо стучали подошвы ногъ моихъ, и при каждомъ шагѣ скоблили. Съ каждой минутой скоплялись надъ нашими головами черныя тучи и волнуясь переливались въ тысячи видовъ. Уже солнце начинало покрываться завесою темноты, мой проводникъ началъ приходить въ замѣшательство и наконецъ признался—что вовсе далѣе не знаетъ дороги. Тщетно возводили мы взоры къ мрачнымъ небесамъ, тщетно искали отраднаго мерцанія благодѣтельной звѣзды—которая бы могла указать намъ дорогу. Съ неимоверною трудностію держались мы на изнеможенныхъ ногахъ. Проводникъ просилъ меня нѣсколько отдохнуть, а

самъ пошелъ искать пропинки. Прошелъ часть,—и онъ не возвращался; прошло и больше, тщетное ожиданіе!.. и я остался одинъ съ мертвою природою!

Тогда только человекъ совершенно довѣряетъ одному себѣ, тогда только прибѣгаетъ къ однѣмъ собственнымъ силамъ,—когда видишь себя лишеннымъ посторонней помощи. Въ такомъ состояніи находился я. Будучи посреди мрака, ослучень отъ людей—съ отчаянною рѣшимельностію я вскочилъ; и помня, въ какую сторону пошелъ мой проводникъ, я устремился въ совершенно противную. Долгое медлѣніе его утверждало меня въ догадкѣ, что онъ заблудился. Цѣлый часъ я шелъ на удачу, съ трепетомъ въ груди видѣлъ приближеніе сумерьковъ; но солнце еще разъ предъзакатомъ проглянуло—и багряные лучи его слабо озарили мѣсто, въ которомъ я находился: еще нѣсколько минушь, — и все погрузилось въ глубокій мракъ, повсюду водворилось глухое и страшное безмолвіе... За мной чернѣла подоблачная скала съ громадой каменной—гнетущихъ гробъ волшебницы. Даже

и одинокія деревца или кустарники здѣсь не произрастали; только изрѣдка сѣдый и косматый мохъ разстилался неровными купинками по шероховатымъ камнямъ. Уже я рѣшился было провести остатокъ ночи въ семь мѣстѣ; какъ внезапно въ глубокой долині подѣ самымъ страшнымъ наклономъ скалы мелькнулъ мнѣ тусклый огонекъ сквозь тѣсное оконце хижины. Никогда сердце мое сильнѣе не билось, никогда живѣе не ощущалъ я радости, — какъ въ сію минуту. Быстро устремился я къ жилищу; приближаюсь къ оному, подкрадываюсь подѣ сѣнь его кровли — и вижу при низкой и вешей двери сидящаго дряхлаго старца. Волнистые волосы убѣленной браны его струились по персямъ до чреслъ; глава его была обнажена. Въ дрожащихъ рукахъ его издавала жалобные звуки арфа простая. Горестно вздыхалъ мужъ престарѣлый, горестнымъ голосомъ сопровождалъ онъ плачевную пѣснь своея арфы. Священная пѣснь сія отозвалась во глубинѣ моего сердца; ибо сердце мое оную узнало, незабвенный

мой другъ возѣвалъ мнѣ ее неоднократно... но хладный трепеть пробѣжалъ по моимъ жиламъ: это былъ гимнъ погребальный... Разстроганный звуками сего пѣнїя, я осмѣлился соединить голосъ мой съ голосомъ маститаго пѣвца;... старецъ съ изумленїемъ оглянулся,—и въ почтенномъ его ликѣ я разпозналъ черты моего *Маклода*. Такъ, возкликнувъ я, это онъ! это родитель моего *Лауглана*! Я схватилъ его руку и омылъ ее жаркими слезами! — О! повѣдай мнѣ скорѣе, спросилъ я его; повѣдай родитель моего друга, гдѣ сынъ твой? Ты возиѣваешь его любимую пѣснь... Изъ далекихъ странъ прибылъ я сюда; перешель страшныя горы и пустыни,—чтобы увидѣть моего друга, моего безцѣннаго *Маклода*. Вѣщай мнѣ, отецъ мой, гдѣ онъ?—Долго и пристально взиралъ на меня недоумѣвающий старецъ, пожимая руку мою; наконецъ сказали: ты вѣрно *Эдуардъ*?... Мой сынъ, возлюбленный мой *Лаугланъ* всегда увѣрялъ меня—что ты нѣкогда посѣдишь отца осиротѣвшаго.—Гдѣжь, гдѣ твои *Лаугланъ*?—вопросилъ я еще.—Старецъ поднималъ дрожа-

щія руки къ небесамъ“; шамъ!... съ горестной улыбкой отвѣчалъ онъ; и стѣсненная грудь его воздымалась отъ вздоховъ, и голосъ на нѣсколько минутъ замеръ на устахъ скорбящаго мужа. Ахъ! давно уже горестное предчувствіе моего сердца приуговляло меня къ жестокому удару; но сія роковая вѣсть поразила меня жестокае внезапнаго перуна: я не въ силахъ былъ обладать собою—и предался совершенно чувствамъ снѣдавшей меня скорби.—“Уклонись, о другъ моего сына! подь печальную стѣну моя кущи, вѣщаль мнѣ наконецъ согбенный старецъ: *усопшій* оставилъ тебѣ писаніе,—котораго ни письма, ни разумъ для меня не понятны. Долго онъ писалъ оное,—и каждую строку сопровождалъ тяжкими вздохами по своему *Эдуардъ*; но всегда говорилъ,—что ты придешь за книгой, надъ коею онъ единственно для тебя трудился.—Съ благоговѣніемъ переступилъ я черезъ порогъ хижины: древо рода *Маклодовъ* висѣло на ея стѣнѣ. Въ семь тѣсномъ убѣжищѣ нищеты и добродѣтели я находился—какъ въ собственномъ домѣ.

Ничто для меня не казалось чуждым; все было дорого моему сердцу, все такъ — какъ мнѣ описаль мой *Маклодъ*; но драгоцѣннѣйшимъ всего памятникомъ была книга, оставленная имъ для меня — дневныя записки жизни его до послѣдней минуты. Разпроганный печальнымъ воспоминаніемъ и обливаясь горькими слезами — развернулъ я листы оной. Дрожащій старецъ пожалъ мою руку, отеръ свѣтлую слезу на рѣсницѣ и сказалъ женщинѣ вошедшей на то время въ хижину: изготовь вечерю. На вопросъ мой: кто была сія молодая незнакомка? онъ отвѣчалъ мнѣ: это супруга младшаго и послѣдняго моего сына *Ришарда*, который нѣкогда наслѣдуетъ родительскую хижину. Престарѣлая мать *Маклода* скончалась прежде, нежели онъ возвратился. Отрокъ и цвѣтущая какъ роза прекрасная дѣвушка — дѣти *Ришарда* — они одни оживляли иногда улыбкою своей печаль уединенной хижины. При голомъ деревянномъ столѣ сѣли мы за скудную трапезу. Ни у кого не вывалось ни одно слово о *Маклодѣ*: такъ опасно было разспрашивать воспоминаніемъ

раны скорбящаго старца!... С скромное ложе изъ кудряваго мха ожидало меня послѣ вечера. Изнеможеніе шѣла превозмогло изнеможеніе души — и я пробудился тогда только, когда всѣ уже встали. Я раскрыль записки моего *Лауглана*; прочель въ нихъ то, о чемъ уже упомянулъ выше.

Когда *Маклодъ* не засталъ меня въ *Эдинбургѣ*; то съ сердцемъ печальнымъ пустился дальше — будучи обманушь въ надеждѣ, которая до того времени составляла послѣднее услажденіе его горестей. Онъ зналъ однакожъ, — что я не премину посѣтить его, коль скоро возвращусь изъ странъ отдаленныхъ; но всегда страшился того, чибобы я не возвратился уже поздно. Онъ приступилъ къ исполненію своей обязанности какъ человекъ, который въ ненарушимости оной ищетъ единственно отплады, — потерявши все, что было драгоцѣннѣйшимъ для его сердца. Его кротость, примѣрные дѣянія жизни и неизтощима доброта души снискали ему сыновнюю приверженность всѣхъ прихожанъ. Съ неизъяснимою силой, съ не-

подражаемымъ чувствомъ возторга умѣлъ онъ вѣщать о щастіи грядущемъ; ибо въ немъ онъ основывалъ теперь всѣ свои надежды. Онъ чувствовалъ различіе между жизнію образованнаго свѣта и своими дикими, уединенными горами; но никогда не пожелалъ даже мыслию возвратиться къ людямъ. Въ книгахъ искалъ онъ себѣ собесѣдничества, отрады. Такимъ образомъ можетъ быть и я еще засталъ бы его ревностно исполняющаго святую обязанность своего призванія, когдабы роковое извѣстіе не проникнуло въ нѣдра сихъ мирныхъ и неприспущныхъ горъ. Еще до отъѣзда изъ Колоніи просилъ *Маклодъ* своего преемника извѣщать его объ участи *Целестины*; тотъ ему обѣщалъ сіе: и увы! слышкомъ вѣрно выполнилъ обѣтъ данный *Маклоду*!...

Целестина должна была отдать свою руку богатому колонисту,—который потребовалъ оной въ другой разъ тогда, когда ея родители—потерявъ важнѣйшую часть своего имущества не предвидимымъ случаемъ—основывали на семь брактъ послѣднія свои надежды. *Целестина* была

нещастна; и ея спраданія не могли долго бытъ тайною для тѣхъ, кои знали строптивый нравъ ея мужа. Она была окружена стражею о ревнивости, какъ невольница, — и пышный блескъ богатствъ ея окружавшихъ освѣщаль одну горестъ и мученія нещастной. Единственное облегченіе оныхъ находила она въ наукахъ и еже-частномъ возпоминаніи о *Маклодѣ*, въ сообществѣ съ его преемникомъ, — которому описывала щасливѣяя минуны ея проведенныя съ своимъ безцѣннымъ наставникомъ. Живыми красками описаль преемникъ *Маклода* спраданія *Целестины*. Письмо было отправлено, — и другъ мой получилъ оное чрезъ шесть мѣсяцовъ.

И она нещастлива! и она страдаетъ! возкликнулъ *Лаугланъ*: и такъ, — вошь наконецъ плоды моей жизни, моихъ пламенныхъ желаній, моихъ попеченій! Вотъ участь добродѣтельнѣйшаго и невиннѣйшаго въ свѣтѣ существа!.. Съ того времени записки его стали наполняться одними жалобами, и содержаніе ихъ съ каждой строкою дѣлалось печальнѣе. Съ тѣхъ

поръ жизнь превратилась для него въ бремя, и ни одна принужденная даже улыбка не проясняла чела его... Увы! она шутила, она вздыхала по немъ! О, ежели бы она принадлежала ему!.. При сихъ мысляхъ жестокая скорбь спѣсняла грудь его; онъ заключалъ себя въ спѣнахъ хижины своего родителя, погружался въ глубокую думу; писалъ и посѣщалъ поднебесныя вершины горъ неприступныхъ. Только для священнослуженія отправлялся онъ иногда на мѣсто своего назначенія. Часто бесѣдовалъ онъ съ престарѣлымъ родителемъ своимъ о людяхъ — съ коими жилъ прежде, бесѣдовалъ обо мнѣ; но никогда ни слова о *Целестинѣ*! Протекло еще не много времени, — и онъ остался безвыходно въ родимомъ уголкѣ, сложилъ съ себя свое званіе и рѣдко проповѣдывалъ во храмѣ. Съ каждымъ днемъ онъ оживался углубляться далѣе и далѣе въ окрестныя горы; и когда срывалась буря и скоплялись тучи; тогда онъ въ мрачномъ нѣжномъ возлоргѣ спѣшилъ взойти на высочайшія вершины скалъ, — и посреди свиса вѣтровъ, шума дождей, ужаса мол-

нѣй и преска перуновъ сердце въ груди его билось такъ тихо, такъ спокойно!... ибо оно чувствовало себя вблизи ко *Все-вышнему*! Никто не дерзалъ сопутствовать ему, крѣмъ десятилѣтняго отрока—его племянника. Болѣе всѣхъ горъ любилъ *Маклодъ* содѣдственную, величественную, страшную гору *Бенъ-Гріананъ*. Стоя на острой вершинѣ ея, онъ насыщалъ взоры свои созерцаніемъ неизмѣримыхъ пропастей подъ нимъ зѣвшихъ. Тамъ въ протекшіе вѣки была божница посвященная солнцу, и древнее преданіе преобратило мѣсто сіе въ жилище духовъ. Робкій странникъ съ трепетомъ въ груди проходилъ мимо *Бенъ-Гріанана*—и миновалъ роковую скалу упиравшуюся въ самыя облака, на коей въ уединенныхъ прогулкахъ отдыхалъ злополучный *Маклодъ*. Отсюда простиралъ онъ объятія къ страннѣ пылающей пурпурнымъ огнемъ возходящаго солнца. „Когдажъ, ахъ! когда и я вознесусь превыше сихъ мрачныхъ облаковъ въ страну преблаженную? говорилъ онъ самъ себѣ; воззови, о воззови, благосердый *Оранъ*! на лоно швое несчастнѣй-

шаго изъ твоихъ внуковъ!“ Съ нѣкоторымъ божественнымъ вдохновеніемъ обращалъ онъ послѣ бесѣду къ юному своему спутнику: „тамъ, о *Архибальдъ*, тамъ тысячекратно лучше— нежели у насъ!.. Тамъ, — гдѣ незаходимое, благодатное солнце освѣщаетъ торжество *избранныхъ*; и гдѣ мрачное облако заблужденій не помрачаетъ присносущнаго свѣта истинны!... „Послѣ сего возвращались они подѣ сънь родительской кровли или провожали цѣлыя ночи въ мрачныхъ пещерахъ *Лукулина*, въ которыхъ еще во времена *Оссіана* почивали сыны *юдолей*. Въ хижинѣ отца его мало по малу приучились къ подобнымъ отлучкамъ *Маклода*; и наконецъ не удивлялись, елики онъ на ночь не возвращался. Когда же возвращался то говорилъ мало, или ничего, писалъ записки и съ разсвѣтомъ дня опять посѣщаль любимыя горы.

За десять мѣсяцовъ до моего прибытія предпринялъ онъ по обыкновенію любимую свою прогулку въ сопровожденіи *Архибальда*. Ночь провели они въ пещерѣ; на другой день взойшли на вершину

Безъ-Гріанана. Тогда былъ жаръ необыкновенный; черезъ цѣлый день страшно скоплялась грозная буря. Мой другъ сидѣлъ въ то время на самомъ острѣй подблочной скалы, когда гроза съ ужасомъ разразилась. Ни одна капля дождя не канула; не возможно было различить сверканія молній: все пылало огнемъ неизмѣримымъ; цѣлое небо казалось пламеннымъ океаномъ и кипѣло огненными волнами; перунъ гремѣлъ вслѣдъ перуну; на громъ ихъ отвѣчали страшнымъ стenanіемъ тяжкія горы; и наконецъ гулъ ихъ измѣнился въ непрерывный ревъ неба и земли. Возпрепечало сердце юнаго *Архибальда* при сей ужасной борьбѣ свирѣпѣющихъ стихій,—не смотря на то, что духъ его рвался въ швердости духу мужей неуспрашимыхъ и прибѣкъ къ подобнымъ явленіямъ природы. *Маклодъ* взялъ за руку юнаго друга и сказалъ: о *Архибальдъ!* одни злые сердцемъ спрашатся перуна; для добродѣтельныхъ ударъ его не есть пламень земный, но озареніе благихъ небесъ—отколѣ душа наша воспріяла начало. Полюсь *Лаугланъ*, прилегши грудью на кремни-

стую скалу, писалъ что-то поспѣшно; къ
раменамъ его приникнулъ дрожащій *Архи-
балдъ*, закрывъ глаза руками: ибо ужасная
туча—какъ ночь неслась къ нимъ все бли-
же и ближе, и наконецъ повисла надъ са-
мыми головами. Въ сѣе мгновеніе грянули
громы, потряслись нѣдра горъ и дали глу-
бокія разсѣлины; завывли пропасти... *Ар-
хибалдъ* вскочилъ; смотришь во кругъ
себя... и видишь, что *Маклодъ* лежитъ уже
блѣдень, безчувственъ и бездыханенъ!..
Съ жалобнымъ воплемъ отрокъ схватилъ
его за хладную руку, вопрошалъ его... но
тщетно!.. Уста страдальца сомкнулись
на вѣки! Съ шепетомъ устремился *Ар-
хибалдъ* внизъ съ горы къ нѣжному дѣду
и принесъ горестную вѣсть о кончинѣ
его сына. *Ришардъ* побѣжалъ на гору.
Оледѣвшій отъ ужаса старецъ хотѣлъ
устремитъ за нимъ—и повергся на зем-
лю! *Лауглана* нашли на любимой его
скалѣ: ни малѣйшаго знака жизни невидно
было въ чертахъ несчастнаго, но видны
слѣды пробѣжавшаго по немъ перуна. Брен-
ныя остатки добродѣтельнѣйшаго изъ
людей были преданы землѣ на томъ же

самомъ мѣстѣ. Обо всемъ этомъ развѣ-
стилъ мнѣ родитель моего безцѣннаго
Маклода: „умереть подобною смертію,
присовокупилъ мнѣ старецъ, было един-
ственнымъ желаніемъ его сердца; и вотъ
все мое утѣшеніе!..“

При семъ я вспомнилъ послѣднюю бе-
сѣду нашу въ *Эдинбургѣ*. Я взялъ за ру-
ку юнаго *Архибалда*; онъ проводилъ
меня на роковую скалу. На ней возвыша-
лась могила: „вотъ страшный *Бенъ-Гри-
нанъ*, сказалъ онъ мнѣ, вотъ гора солнца!
Здѣсь сидѣлъ мой дядя,—и здѣсь покоит-
ся прахъ человѣка лѣбезнѣйшаго нашему
сердцу!... Съ благоговѣйнымъ чувствомъ
преклонилъ отрокъ колѣна и молился за
усопшаго. Слезы у меня полились ручья-
ми—и я омочилъ ими могилу *незабвеннаго*.

Черты прекраснаго отрока припо-
мнили мнѣ образъ моего друга; и *Маклодъ*
въ видѣ юноши предсталъ глазамъ моимъ
при гробѣ, въ коемъ почивали его кости.
Въ семъ горестномъ подобіи стѣсненное
сердце мое обрѣло нѣкоторое утѣшеніе.
Я вырѣзалъ наши имена: *Лаугланъ* и *Эду-
ардъ* на роковой скалѣ. Долго стоялъ я

неподвиженъ, углубясь въ плачевныя мысли; наконецъ схватилъ за руку *Архибальда* и поспѣшно устремился къ хижинѣ. Съ невиннымъ простосердечіемъ описывалъ онъ мнѣ образъ своего дяди... Я неопступно просилъ отца его, что бы онъ позволилъ мнѣ взять его съ собою. Долго чувствительный *Ришардъ* сопротивлялся; наконецъ уступилъ моимъ прозьбамъ,—и я по прошествіи двухъ дней съ появленіемъ зарницы пустился въ обратный путь въ сопровожденіи милаго *Архибальда*, взявши съ собою драгоценный памятникъ *Маклода*—его записки. Часто оглядывались мы на грозный *Бенъ-Грианъ*; печальными шагами взбирались мы на крутизны горъ и низпускались въ долины; съ тяжкими вздохами переплывали волнуемая озера и рѣки... И нынѣ еще въ нѣдрѣ мирнаго убѣжища нашего вмѣстѣ съ милымъ моимъ *Архибальдомъ*, и нынѣ еще обращаемъ томные взоры наши къ странѣ полунощной—къ тѣмъ громоноснымъ горамъ: гдѣ *добродѣтельнѣйшій, чувствительнѣйшій* изъ смертныхъ,—послѣ долгихъ спраданій несчастной *любви*,—нашелъ жаланное успокоеніе на священномъ подножіи вдохновенныхъ *Бардовъ*.

